

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВ

Подчинительные связи слов адъективного типа таят в себе некоторую загадку. С одной стороны, с ними прежде всего связывают представление об уподобительном употреблении граммемы падежа (согласование в падеже) во всех тех случаях, когда речь идет о выполнении ими функции определения в составе именной группы. Например: В *песчаных* степях *аравийской* земли... (Лермонтов). Принято считать, что во всех подобных случаях прилагательные согласуются в роде, числе и падеже. Это тем более представляется очевидным, что три названные граммемы находят выражение в едином звуковом комплексе. С другой стороны, адъективы, входя в состав предиката в качестве его именной части, исключают падеж из разряда уподобительных категорий. Выбор творительного предикативного можно объяснить лишь подчинением глагольному компоненту составного сказуемого, а саму эту связь трудно квалифицировать иначе как управление.

А.М.Пешковский, рассматривая конструкции ...И он *был безжалостным*... (Тургенев); Положение Оренбурга *становилось ужасным* (Пушкин) и т.п. пишет: “Творительный падеж есть здесь **управляемый**” [Пешковский: 231]. Устойчивое убеждение в том, что прилагательному несвойственно управление в качестве формы подчинения, преодолевается им представлением о связи этого творительного с “субстантивированием прилагательного” в составе сказуемого. Само же субстантивирование видится следующим образом: “Прилагательное стоит в том же падеже, в котором стояло бы существительное, которое оно заменяет (*был добрым, потому что был добрым человеком и был добряком*)” [там же]. Получается, что прилагательное как бы занимает не свое место или представляет собой словосочетание с опущенным опорным словом. Это подтверждается и следующим рассуждением: “В сочетаниях же *пришел веселый, пришел весел* мы имеем огромный синтаксический сдвиг: прилагательное покидает свою нормальную точку опоры – существительное – и сцепляется с глаголом” [там же: 249-250]. Но если последнее очевидно, то вопрос о потере “точки опоры” может быть оспорен: прилагательное отнюдь не порывает связи с существительным, о чем свидетельствует факт согласования предикативного прилагательного в роде и числе с субстантивным сло-

вом в функции подлежащего. Подобного рода подход к оценке синтаксической ситуации в составе конструкций предикативного типа с так называемым двойным подчинением именного определителя нашел отражение в [Плунгян 2000]: “Как уже отмечалось, согласование возможно и в ситуации, когда между словоформами *x* и *y* вообще нет непосредственной синтаксической зависимости”. В качестве примера таких отношений в русском языке приводятся конструкции типа *Я запомнил ее устал-ой; Я запомнил их устал-ыми*, в которых происходит “согласование прилагательного с местоимением по числу и роду (не по падежу!)”. При этом такое согласование рассматривается как “дистантное” (= опосредованное подчинение) (см. [указ. соч.: 144]).

Сравним словосочетание *высокая береза* и предложение с существительным в функции главного члена: *Береза ? высокая; Береза была / будет высокая (высокой)*. Согласование в роде и числе сохраняется, сохраняется оно и в том случае, если существительное, данное в словосочетании, займет в предложении место дополнения и будет определяться творительным падежом прилагательного или причастия: *выздоровливающий мальчик* и *Мы увидели мальчика выздоравливающим*. И пока согласование в роде и числе связывает эти две названные части речи, говорить однозначно о потере прилагательным точки опоры или непосредственной связи между ним и предметным словом, видимо, нельзя. Структурное отличие атрибутивных словосочетаний от предикативных конструкций в том, что в составе первых адъективная словоформа образует с предметным словом единую именную группу, которая представляет собой целостный описательный акт в составе предложения, в составе же вторых адъективное и предметное слово выполняют разные роли. Главная особенность предикативного употребления форм адъективного типа состоит не в потере ими связи с предметным словом, а в том, что в данной ситуации граммема падежа адъективной словоформы эксплицирует свою самостоятельность, отдельность от граммем рода и числа и непосредственную зависимость от управляющего слова. Именно это должно составлять главный вопрос, требующий научного объяснения.

Л.Д.Чеснокова, для которой “конструкции с глагольно-именным” определителем явились предметом специального исследования [Чеснокова 1972], тоже пришла к выводу, что между предикативным прилагательным и глаголом имеет место связь управления. Однако Л. Д. Чеснокова, отрицая наличие какой бы то ни было субстантивации в рассматриваемых случаях [Чеснокова 1980: 74], по-своему преодолевает традиционное мнение о прилагатель-

ных как об исключительно согласовательной части речи с помощью понятий первичных и вторичных синтаксических связей. Первичной считается такая связь, которая соответствует лексико-грамматическим признакам данной части речи, вторичной та, которая этим признакам противоречит. Вторичная связь “наблюдается и у прилагательных, для которых типична связь согласования и совершенно не характерна связь управления, *хотя само по себе изменение по падежам уже создает возможность быть управляемым* (курсив наш – А.К.)” [Чеснокова 1972: 53]. В связи с этим выделяется два типа вторичных связей, из которых прилагательному приписывается первый – “...вторичные связи, не регулярные для слов данной части речи, возникающие в узко ограниченных синтаксических условиях, но в то же время обусловленные характером словоизменения данного слова” [указ. соч.: 52-53]. Такое вполне конструктивное решение могло бы быть принятым в отношении адъективных слов, если бы шла речь действительно о нерегулярных связях “в узко ограниченных синтаксических условиях”. В самом деле, имеется всего два основных способа употребления адъективных слов – либо в функции небособленного или обособленного определения в составе именной группы, либо в качестве предикативного определения в составе предикативной конструкции. По разнообразию синтаксических ситуаций ни один из названных способов употребления не уступает другому. Разве что судить по частоте встречаемости в устной или письменной речи; так ведь предикативное употребление достаточно широко представлено в речи, чтобы и по этому показателю не выглядеть “узким”. Считать на предложенных основаниях глагольное управление адъективными словами конструктивно обусловленным едва ли корректно.

На наш взгляд, о глагольном управлении прилагательными в предикативных конструкциях можно говорить без ссылок на разного рода лингвистические околичности не только потому, что сам по себе выбор падежной формы является фактом управления, но и потому, что выбор творительного или именительного падежа реализует валентные возможности глагольных компонентов предикативных конструкций. По поводу последнего Л.Д.Чеснокова замечает, что одним из факторов выбора падежной формы “является лексическое значение глаголов, одни из которых могут сочетаться только с ТП (твор. предикат.) (стать, становиться, казаться, являться и др.), другие допускают как форму творительного, так и форму именительного (быть, жить, умереть, идти, сидеть, лежать и др.)” [Чеснокова 1972: 46]. (О зависимости выбора

имен. или твор. падежа существительного от глагольного компонента предиката см., например, [Донец 1958]).

И.А.Мельчук включает имена прилагательные (А) в число управляемых частей речи, ограничивая рамками глагольной зависимости: "...Тогда как *N* и *V* могут морфологически управляться всеми четырьмя частями речи, *A* морфологически управляется, по-видимому, только глаголом...", в качестве иллюстраций приводятся конструкции с творит. предикативным: *Иван нашел Машу здоровой* и *Маша нашла Ивана здоровым* [Мельчук 1993: 47-48]. Однако это не означает, что именительный предикативный исключается им из управляемых форм. Ср.: "ПадежII прилагательного может также зависеть только от типа глагола-контролера в присвязочной конструкции, т.е. от его синтактики (например, *Она казалась устал + ой*/**устал + ая* vs. *Она была устал + ой* / *устал + ая* и т.п.; это, однако, не противоречит определению сопряженности, ибо в данной конструкции прилагательное от существительного синтаксически не зависит)" [там же: 29].

Термин "падежII" требует комментария, поскольку его употребление в цитируемом контексте, несмотря на утверждение автора, все же противоречит, на наш взгляд, смыслу самого термина. ПадежII прилагательного четко противопоставлен И.Г.Мельчуком падежуI существительного как "сопряженный", "отражательный". В основе данного противопоставления синтаксическое поведение прилагательного в составе именной группы. Так, например, если в конструкции *пишу старшей сестре* рассматривать в качестве актанта не именную группу *старшей сестре*, а только предметное слово и только ему приписывать значение дательного адресата, то граммема падежа прилагательного представляется функционально бессодержательной и отраженной. Противоречие же состоит в том, что в конструкциях типа *Она была усталой* словоформа имени прилагательного, согласуясь с предметным словом в числе и роде, не составляет с ним именную группу, а следовательно, обладает железным алиби, не позволяющим инкриминировать ей подражательность в падеже. Надо признать, что в предикативной функции адъективные и субстантивные слова на равных во всех отношениях участвуют в выражении именительного и творительного предикативного. При этом прилагательное и существительное в составе предикативной конструкции могут выступать в качестве однородных компонентов. Например:

*Я учился курить, не желая этого, наоборот, желая быть тихой - ней, послушным (Олеша); ...Нельзя же быть такой мразью, завистливой (Высоцкий); *Потом он лежит на берегу моря, избитый мат-**

росами, – они пускали в ход лопаты! – и постепенно на глазах у толпы становится видимым – все более человеком, все более жалким (Олеша).

Позиция предиката является общей для всех знаменательных частей речи, можно говорить о нейтрализации категориального значения частей речи в функции сказуемого, ибо любая часть речи в этом случае выражает значение предикативного атрибута. Существительное уравнивает с прилагательным и сближает с ним то, что оно актуализирует в составе сказуемого сигнификативное (предикативно-характеризующее) значение, которое для субстантивного имени является конструктивно обусловленным, однако же не в большей мере, чем, например, значение творительного агентивного или орудийного, дательного адресата или субъекта и т.д.

Управление адъективными словами, т.е. словами, для которых основной подчинительной связью, как принято считать, является согласование, в большей мере осознается в таких предикативных конструкциях, применительно к которым исключается альтернативное толкование, т.е. в сильной позиции. Сильная позиция для управления адъективными словами в конструкциях рассматриваемого типа маркируется выбором граммы творительного падежа, который обеспечивает практическое несовпадение (отсутствие параллелизма) падежной формы определяемого и определяющего слов.

В тех случаях, когда прилагательное выражает субъектный признак, отношения на уровне синтагматики значений абсолютно однозначны: вещественное значение предиката в той мере, в какой оно распределено между связкой и присвязочной частью, целиком отнесено к подлежащему. Наблюдаемое раздвоение связей принадлежит исключительно синтагматике форм. Адъективное слово опосредованно связано с подлежащим по линии управления, поскольку управляется глагольным компонентом, которому оно непосредственно подчинено по этому типу связи, и согласуется с подлежащим, которому оно непосредственно (и в этом смысле “недистантно”) подчинено по линии согласования, поскольку при согласовании по роду и числу между подлежащим и адъективным словом посредник отсутствует. Например (управляющее слово выделено разрядкой):

То есть, конечно, в полном смысле слова разговор этот сомнительным назвать нельзя (Булгаков); *Она перед смертью стала очень верующей, все в церковь ходила...* (Изв., 2 окт. 1999).

В приведенных примерах твор. предикативный адъективного слова реализует одну из правых валентностей глагольного компонента, левая валентность предполагает подлежащее.

Сильная позиция для управления в конструкциях рассматриваемого типа преобладает и тогда, когда прилагательное выражает объектный признак. Например:

Русские увидели вековечного супостата битым и бегущим с поля боя (Трифонов); *Просто в один прекрасный день объявите переписку закрытой и садитесь работать* (Масленникова); *Недоброжелатели считали его грубым* (Олеша).

В этой синтаксической ситуации прилагательное и определяемое им существительное реализуют разные (правые) валентности одного и того же глагола (*увидели* → *супостата*, *увидели* → *битым и бегущим*; *объявите* → *переписку*, *объявите* → *закрытой*). Особенность объектного адъективного определителя в том, что он, структурно принадлежа предикату, содержательно относится к дополнению, таким образом, раздвоенность формальных отношений управления (*увидели* → *битым и бегущим*) и согласования (*супостата* → *битым и бегущим*) соответствуют раздвоенности синтаксических отношений.

В предикативных конструкциях с объектным и субъектным определителем слабая позиция для управления и согласования имеет место в тех случаях, когда согласование по роду и числу между определяющим и определяемым словом сопровождается параллелизмом падежной формы. При наличии такого параллелизма возникает возможность альтернативных истолкований синтаксической ситуации: адъективный определитель рассматривается либо как согласуемый с определяемым в падеже, либо как управляемый глаголом и реализующим ту же его валентность, что и предметное слово.

Первая точка зрения представлена в [Чеснокова 1972: 55-56]: "...Сопоставление предложений типа **Он идет веселый** и **Она идет веселая** убеждает нас в том, что согласование происходит с именем ("он", "она")... Таким образом, глагольно-именной определитель согласуется с именем (подлежащим) в роде, числе и падеже (при выражении его прилагательным)...". Другая – в [Скобликова 1990: 57-58]: "...К падежу прилагательного падеж подлежащего безразличен, и потому уподобление констатировать здесь нельзя (см.: **Ночь была теплой**)". Нейтрализация видов связи имеет место и в формах косвенных падежей. Л.Д.Чеснокова пишет: "Сопоставление выражений *увидит его веселого*, *увидит ее веселую*, *увидели их веселых* обнаруживает явную зависимость форм рода и числа от рода и числа субстантивных слов. Поэтому мы склонны рассматривать связь глагольно-именного определителя в форме винительного и дательного падежа с именем компо-

нентом как полное (т.е. включающее и падеж – А.К.) согласование, а с глагольным компонентом – как вторичное примыкание...” [Чеснокова 1972: 57-58]. Обосновать явную зависимость падежной формы прилагательного от определяемого предметного слова в рассматриваемой ситуации трудно, приходится опираться лишь на бросающееся в глаза внешнее совпадение. А между тем остается неучтенным тот, видимо, менее наглядный факт, что глагол *увидеть* в качестве переходного “имеет право” на управление в конструкции *увидит его веселого* формой винительного падежа прилагательного никак не меньшее, чем субстантивное слово на подражание его падежной форме тем же прилагательным. В лингвистике, как и в любой науке, очевидность не означает вероятность, а вероятность далеко не всегда очевидна. И позволительно на основе сопоставления конструкций *увидит ее веселую* и *увидит ее веселой* утверждать, что предметное слово в косвенном падеже столь же безразлично к падежу адъективного слова, как и в именительном.

Случаи употребления адъективного определителя в параллельном определяемому слову падеже (в слабой позиции) вполне нормативны и встречаются достаточно часто, например:

Я через некоторое время увидел его мертвого (Олеша о Маяковском); *Пьяный пришел к нам, поднял нас зареванных и в одних рубашках ночных выгнал на улицу* (Высоцкий); *Возвращалась из котельной она измученная, перемазанная, жаловалась на боли в пояснице* (Масленникова); *Борис Леонидович был приглушенный, тихий, грустный* (там же).

Чаще всего возможна замена параллельного падежа творительным во всех тех случаях, когда это не ограничено валентностью глагола (*увидел его мертвым, выгнал нас зареванными, возвращалась она измученной*) и т.д. При наличии вариантности указанного типа можно говорить о соотносительности слабой и сильной позиции, а следовательно, о возможности установления действительного вида синтаксической связи в случае параллелизма падежной формы адъективных и субстантивных слов.

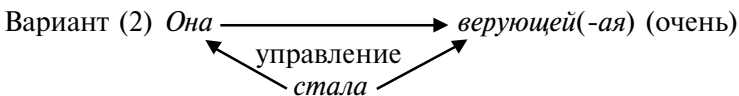
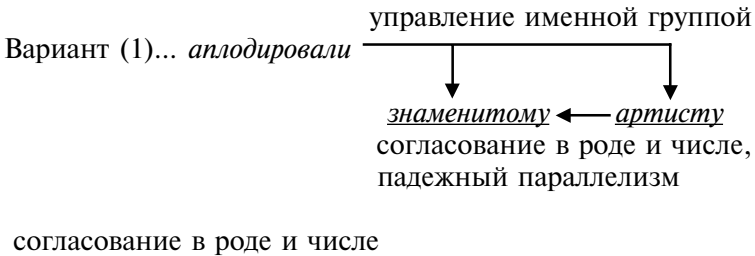
Попутно стоит заметить, что форма творительного падежа прилагательного тоже может быть параллельной. Например:

Всякий раз воспоминания, какими бы радостными они ни были, мать заключает фразой, ставшей уже традиционной... (Красавин); *Непомнящий ничего не таит, ни о чем не жалеет и восхищается собой молодым* (Изв., 3 нояб. 1999); *И во всех случаях я неизменно заглядывала в крошечный светлый кабинетик Маяковского и словно здоровалась с ним живым* (Алигер).

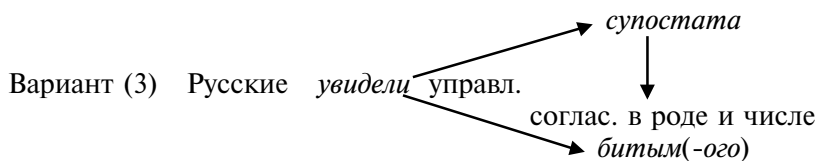
В подобных конструкциях мы сталкиваемся со слабой позицией, не имеющей соотносительной сильной позиции. Но тем не менее сказанное выше служит достаточным доказательством того, что и в этом случае мы наблюдаем не согласование прилагательного с предметным словом в падеже, а глагольное управление этим прилагательным.

Слабая позиция для управления наблюдается в именной группе (*Люди аплодировали знаменитому артисту*), состоящей из существительного и согласуемого с ним прилагательного. Невозможность соотносительной сильной позиции заложена в самой структуре именной группы, предполагающей параллелизм падежных форм, т.е. их подчиненность единому управляющему центру, находящемуся вне самой группы, как ее непрменный признак. Обязательность падежного параллелизма в атрибутивном словосочетании (*соседская девочка, у соседской девочки, к соседской девочке*) явление той же природы, что и в аппозитивном словосочетании (*девочка-соседка, у девочки-соседки, к девочке-соседке*) или сложносоставных словах (*инженер-оператор, у инженера-оператора, к инженеру-оператору*), но с той лишь разницей, что в именных группах, состоящих из субстантивных имен, падежный параллелизм наблюдается в “чистом” виде, не будучи сопровождаем согласованием в роде и числе [Копелиович 2000].

В согласовательной модели “субстантив + адъективное имя” независимо от того, в какой функции выступают ее компоненты, формальная связь выражается только граммемами рода и числа при индифферентности граммема падежа к внутренней синтагматике модели. Граммема падежа организует внешнюю синтагматику рассматриваемой согласовательной модели, определяя ее способность находить реализацию в трех основных синтаксических вариантах:

Представленные схемы делают наглядным тот факт, что общей особенностью синтагматики слов адъективного типа является двойное формальное подчинение, — с одной стороны, управляющему слову, с другой стороны, определяемому имени существительному. Что же касается категории падежа, то традиционное представление о ее уподобительном употреблении нуждается в критическом осмыслении.

Литература

Донец Н.А. Именительный и творительный предикативный имени существительного в современном русском языке. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1958.

Копелиович А.Б. Синтагматика форм. Согласование и параллелизм // НДВШ. Филологические науки, 2000. № 5. С. 57 — 65.

Мельчук И. Согласование, управление, конгруэнция // Вопросы языкознания, 1993, № 5. С. 16-69.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Скобликова Е.С. Очерки по теории словосочетания и предложения. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990.

Чеснокова Л.Д. Конструкции с предикативным определением и структура предложения в современном русском литературном языке. Ростов-на-Дону, 1972.

Чеснокова Л.Д. Связи слов в современном русском языке. М.: Просвещение, 1980.